

— Прислуживай мне, подай чай.

Гу Цзюэ замер. Глядя на чашку перед Сяо Юем, он подумал, что обычно императору не требуется, чтобы прислужники собственноручно подавали чай, но Сяо Юй явно делал это нарочно, чтобы унижить его.

Когда он только вошел, его маска уже привлекла немало любопытных взглядов. А если он еще и будет прислуживать вот так... Исходя из того, что Гу Цзюэ знал о нравах гарема, все эти наложницы неизбежно станут выведывать, кто он такой — в открытую или исподтишка. А если начнут интересоваться, то, чего доброго, возьмут на прицел. Неужели Сяо Юй не только сам хочет его извести, но и планирует отдать на растерзание интриганкам из задних покоев? Гу Цзюэ уже был знаком с их методами, и, надо признать, это было омерзительно и выворачивало душу наизнанку.

Однако права на отказ у него не было. Опустив взор, он взял предложенную чашку, сдвинул крышку и с поклоном поднес ее к губам Сяо Юя.

Тот ощутил жар, исходящий от чая, и окинул Гу Цзюэ острым, как бритва, взглядом:

— Подаешь мне такой обжигающий чай прямо к губам? Сяо Юцзы, как ты вообще справляешься со своими обязанностями?!

Сердце Гу Цзюэ пропустило удар. Обжигающий? Он опустил голову: от чая действительно шел пар. Должно быть, он был очень горячим. Раньше, когда Гу Цзюэ сам кормил Сяо Юя, он всегда боялся, что тот обожжется или, если чай будет слишком холодным, у него разболится живот, поэтому был невероятно внимателен.

Тогда это было добровольно. Теперь же, когда его принуждали к этому, он был так сосредоточен на выполнении приказа, что даже не заметил температуры.

Разве мог Сяо Юй не почувствовать, как рассеянн тот прислуживает? В чем дело? Неужели ему претит прислуживать? Раньше разве он не обожал находиться рядом? А теперь, надев костюм евнуха, он стал другим?

В этот момент за столиком наложницы Ли возник переполох. Служанка, державшая поднос, по неосторожности опрокинула кувшин с вином прямо на угощения. Вокруг поднялся шум: одни бросились защищать наложницу Ли, другие принялись отчитывать служанку, третьи ахнули от испуга.

Сяо Юй, сдерживая гнев, рявкнул:

— Что происходит!

Наложница Ли, испуганно прикрывая живот, при звуке его голоса ответила с глазами, полными слез:

— Ваше Величество.

В этом возгласе слышались бесконечная обида и капля кокетства.

Сяо Юй бросил взгляд на служанку:

— Неужели к наложнице Ли приставили кого попало? Глупая девка, увести и забить палками до смерти!

Служанка в панике начала молить о пощаде, остальные замерли в гробовой тишине. Никто не ожидал, что Ваше Величество будет настолько оберегать наложницу Ли: какая-то мелкая оплошность служанки — и сразу смертная казнь.

Сама наложница Ли этого не ожидала, но, инстинктивно поглаживая живот, она не смогла скрыть торжествующего блеска в глазах.

Вскоре остатки еды со стола наложницы Ли убрали и принесли свежие угощения.

Гу Цзюэ это ничуть не удивило. Его мысли были заняты не ревностью к наложнице Ли, а самим Сяо Юем. Исходя из того, как хорошо Гу Цзюэ знал Сяо Юя, тот всегда яростно защищал тех, кто был ему дорог, как когда-то защищал Гу Ляньюэ. Теперь же было очевидно, что он души не чает в наложнице Ли.

Стоило этой мысли промелькнуть, как за ней последовала другая — немудрено, что кто-то хотел ей навредить.

Задумавшись, Гу Цзюэ внезапно замер. Он почти машинально взглянул на новые лакомства на столе наложницы Ли. Именно в этот момент она небрежно взяла кусочек, явно собираясь его съесть. Гу Цзюэ невольно уставился на руку наложницы, державшую пирожное.

И в этот самый момент:

— Наложница Ли! — голос Сяо Юя прозвучал низко и глухо.

Сердце Гу Цзюэ подпрыгнуло. Он увидел, что наложница Ли не съела пирожное — окрик Сяо Юя заставил ее положить его обратно.

— Ваше Величество?

Тон Сяо Юя стал еще мрачнее:

— Люди, проверить еду на столе наложницы Ли.

Гу Цзюэ в недоумении посмотрел на Сяо Юя и вдруг поймал его взгляд. В глубоких глазах императора промелькнуло нечто зловещее. Сердце Гу Цзюэ пропустило удар. Почему он посмотрел на него? Но в этот момент никто уже не обращал внимания на жалкого евнуха.

Как только слова Сяо Юя слетели с его губ, наложница Ли что-то поняла, и лицо ее вмиг стало белее полотна. Окружающим не нужно было объяснять, что означает проверка еды. В зале снова воцарилась тишина. Вскоре подоспел придворный лекарь. Сначала он проверил угощения серебряной иглой — та не почернела, тогда он разломил пирожное, понюхал его, а в конце рискнул попробовать. И вот тут-то всё вскрылось.

Лицо лекаря резко изменилось.

Сяо Юй прищурился:

— Что там?

Лекарь ответил:

— Ваше Величество, в этом пирожном запах красных пилюль! Это средство, которое женщины используют для прерывания беременности!

Глаза наложницы Ли моментально покраснели. Ее подхватили под руки, она опустилась на колени и закричала:

— Ваше Величество! Прошу, восстановите справедливость!

Гу Цзюэ опустил глаза, больше не смея ни на кого смотреть — ни на наложницу Ли, ни на лица других придворных. Его пальцы, спрятанные в рукавах, сжались в кулаки.

Лицо Сяо Юя стало мертвенно-бледным. Он перевел взгляд с Гу Цзюэ, и в его голосе зазвучало убийственное намерение, которое он, казалось, и сам не заметил:

— Наложница Ли беременна лишь два месяца, и прямо у меня на глазах кто-то осмелился посягнуть на жизнь наследника престола. Какая дерзость!

Все вокруг замерли, боясь даже вздохнуть.

Сяо Юй бросил лишь одно слово:

— Искать! Допросить каждого, кто хоть как-то касался этих угощений!

В одно мгновение все слуги, готовившие сегодня императорский пир, оказались под ударом.

Случившееся положило конец веселью на празднике Цветов. Наложница Ли, будучи потерпевшей, заливалась слезами, взывая к Сяо Юю. Даже если бы он руководствовался только тем, что она в положении, он обязан был быть рядом.

Сяо Юй отправился вслед за наложницей Ли в её покои. Гу Цзюэ остался стоять снаружи. Он не видел их, но, слушая доносящиеся голоса, легко мог представить всё происходящее.

— Ваше Величество, я чуть было не лишилась нашего ребенка, — донеслось изнутри. — Мне до сих пор страшно.

— Теперь всё позади, — ответил Сяо Юй. — Я проведу тщательное расследование и добьюсь справедливости для тебя.

— Благодарю, Ваше Величество. Лишь благодаря вашей защите дитя спасено. Может, прикоснетесь к нему? Уверена, когда он родится, он будет очень любить своего отца.

Гу Цзюэ отключился от реальности, не желая больше этого слышать. Увы, он не был глухим, и до него доносились обрывки утешений Сяо Юя.

Он-то думал, что Сяо Юй совсем не умеет утешать, а оказалось — просто не с ним. Когда дело касалось других, он был весьма красноречив.

Вид из покоев наложницы Ли был прекрасен — совсем не чета его разрушенному Дворцу Чжаоян. Гу Цзюэ устался на растущее неподалеку дерево, усыпанное цветами.

Неизвестно, сколько прошло времени, прежде чем Сяо Юй вышел.

Император вернулся в Зал Цяньюань, Гу Цзюэ неотступно следовал за ним. Но едва они переступили порог, Сяо Юй резко развернулся и впечатал его в дверь.

Раздался глухой стук, Гу Цзюэ почувствовал резкую боль в спине и широко раскрыл глаза. Перед ним стоял Сяо Юй:

— Гу Цзюэ! Откуда ты знал, что там яд?!

Сердце Гу Цзюэ забилося в панике. Он же ничего не сделал, почему он узнал?

— Я не знал, — в голове не было ответа, и единственное, что он смог выдать, звучало крайне неубедительно.

Сяо Юй впился взглядом в его глаза, и в его взоре проступила злоба, которую он уже не мог сдерживать:

— Если бы ты не подозревал, что с едой на столе наложницы что-то не так, с чего бы тебе было так пристально за ней наблюдать?

Почему он заметил? Гу Цзюэ и предположить не мог, что его незначительное движение не укрылось от глаз Сяо Юя. Его охватил ужас.

Сяо Юй уловил этот испуг и, внезапно схватив его за горло, прорычал, едва сдерживая убийственную ярость:

— Ты знал, что в еду что-то подмешали!

Это уже не был вопрос. Он был уверен.

Нельзя! Нельзя позволить ему так думать!

В голове Гу Цзюэ пронеслись мысли о брате и матери. Он слишком хорошо знал характер Сяо Юя. Император был сильно привязан к наложнице Ли, а к самому Гу Цзюэ — после истории с Гу Ляньюэ — испытывал лишь отвращение, используя его лишь для того, чтобы отомстить. Если Сяо Юй узнает, что он знал о заговоре и промолчал, то его собственные страдания были бы пустяком. Но если Сяо Юй поймет, что самому Гу Цзюэ уже нечего терять, он непременно ударит по его семье!

— Я не знал! — выпалил он, не давая себе времени на раздумья. — Я просто подумал, что странно, как слуга пролил вино перед наложницей, зная о её положении. На таком празднике прислуга не должна быть такой неуклюжей, вот я и посмотрел на них лишний раз!

Его слова были наполовину правдой, наполовину ложью, пропитанной отчаянием. Он смотрел прямо в глаза Сяо Юю, пытаясь убедить его в своей невиновности.

Раньше, когда Сяо Юй наказывал его за то, в чем он был не виноват, он смотрел на него точно так же — со страхом, тревогой и мольбой, чтобы ему поверили.

Сяо Юй всматривался в эти глаза, вспоминая прежнего Гу Цзюэ. В этот момент тот закашлялся.

Он согнулся пополам, отвернувшись, чтобы скрыть лицо. Пока он кашлял, Сяо Юй отпустил его горло и сделал шаг назад. Он мрачно наблюдал за ним, сжимая кулаки, голос его звучал напряженно:

— Надеюсь, ты не лжешь.

Гу Цзюэ почувствовал, как внутри у него всё похолодело, когда услышал продолжение:

— Иначе ты знаешь, что бывает за ложь.

Он не знал, что именно его ждет, но был уверен — ничего хорошего.

Сяо Юй смотрел, как Гу Цзюэ дрожит от кашля, и долго молчал, пока приступы не стихли.

Заняв место за столом, Сяо Юй принялся перебирать бумаги, словно занимался обычными делами, но говорил он совсем о другом:

— Кстати, на пиру ты вел себя так, будто хотел совершить покушение на мою жизнь.

Покушение?

Гу Цзюэ, только было пришедший в себя, оцепенел.

— Я этого не делал! — воскликнул он.

Сяо Юй невозмутимо ответил:

— Если на меня нападет убийца, я получу рану. Если бы я выпил тот чай, что ты мне подал, и обжегся — это тоже рана. Разницы нет, так что тебе нечем оправдаться.

Что за чушь? Это он называет покушением?

Неужели он подозревает его в связи с отравлением наложницы и теперь, даже если ничего не выяснит, всё равно решит наказать?

Сяо Юй прищурился:

— Всё случилось внезапно, и я не собирался тебя наказывать. Но неужели ты думаешь, что я прощу тебе такую небрежность в службе?

Гу Цзюэ понял, что Сяо Юй просто вымещает на нем злость из-за отравления наложницы. Он снова осознал, какое место та занимает в его сердце.

Подавив боль, Гу Цзюэ просто опустился на колени, коснувшись лбом пола, и безжизненным голосом произнес:

— Прошу Ваше Величество наказать меня.

Он принимал эту позу уже столько раз. От первоначального чувства унижения он пришел к тому, что вынужден был заставить себя смириться. Его тон стал безразличным. Раз он не может оправдаться, то и не будет пытаться. Разве он не решил, что вынесет всё? Просто выместили гнев — это же в порядке вещей.

Сяо Юй, глядя на то, как привычно он опустился на колени, почувствовал раздражение, которое никак не мог подавить. Оно возникало каждый раз, как он видел Гу Цзюэ в этой позе. Раньше он не понимал, что его так злит, а теперь осознал: этот вид — Гу Цзюэ на коленях перед ним — был невыносим!

Точно так же, как в тот день, когда он увидел его неподвижным, словно он вот-вот умрет.

Эта картина была до крайности неприятна!

Сяо Юй, глядя на Гу Цзюэ, который теперь вел себя как настоящий евнух, процедил сквозь зубы:

— Просишь наказания, а сам всё продолжаешь называть себя я?

Даже права на самоназвание его лишили? Теперь он требует, чтобы Гу Цзюэ признал себя рабом даже в мыслях?

Гу Цзюэ чувствовал отчаяние от собственных сомнений. Почему в такой момент он всё еще считает, что поведение Сяо Юя странно?

Его взгляд застыл на одной точке, голос стал безжизненным:

— Отныне этот слуга больше не будет называть себя так, как прежде.

Кулаки Сяо Юя сжались. От слов Гу Цзюэ — этот слуга — он вдруг почувствовал, будто что-то потерял. Но, глядя на почтительного Гу Цзюэ, разве мог он, император, взять свои слова назад и позволить ему называть себя иначе?

Он лишь фыркнул:

— Вот и хорошо. Не зря я приказал прислать тебе этот костюм евнуха. Теперь ты — слуга, и должен следовать правилам. Ван Хай!

Ван Хай, который с самого начала стоял у двери, опустив голову, немедленно отозвался:

— Слушаю, Ваше Величество.

— С сегодняшнего дня Гу Цзюэ будет под твоим началом. Обучи его правилам и тому, как нужно прислуживать мне.

Ван Хай замер — задачка была не из легких, но ослушаться он не посмел.

— Скажи ему, какое наказание положено за то, что плохо подал чай?

Ван Хай осторожно произнес:

— По правилам полагается стоять на коленях, держа чашку, в течение часа. Но сейчас на улице жара, а у господина Гу слабое здоровье...

Сяо Юй прервал его:

— Всего лишь час. По-моему, он превосходно умеет стоять на коленях.

Раньше Гу Цзюэ стоял на коленях полчаса, даже не кашлянув. Тем более, лекарь уже докладывал, что его рвота кровью была вызвана сильным душевным волнением. С тех пор как Сяо Юй пригрозил ему семьей, Гу Цзюэ стал на редкость спокойным, словно смирился и не собирался сопротивляться. Какие теперь могут быть волнения?

Он поддерживал жизнь лекарствами, так что час с чашкой в руках его точно не убьет. Сяо Юй знал, что Гу Цзюэ мастерски владел луком, тренируя руки, так что с чашкой он точно справится.

Вспомнив, как тот назвал себя слугой, Сяо Юй холодно добавил:

— Глядя на него, и не скажешь, что он из благородного рода. Словно он рожден рабом — вот пусть и ведет себя как раб!

Спина Гу Цзюэ напряглась. Губы дрожали, но под маской этого никто не видел.

Дышать стало больно, грудь саднило. Рожден рабом?

В душе он кричал, что это не так, но вслух произнес лишь:

— Слуга готов принять наказание.

Услышав это, Сяо Юй помрачнел еще сильнее:

— Вон!

И Гу Цзюэ удалился.

Он вышел из Зала Цяньюань. По правилам, для наказаний евнухов было отведено специальное место, чтобы не оскорблять взор господ. Ван Хай отвел его недалеко за зал. Гу Цзюэ не смотрел по сторонам.

— Господин Гу будет отбывать наказание здесь, — сказал Ван Хай. — Каждые четверть часа я буду присылать людей проверить вас. Если почувствуете, что не справляетесь, не нужно терпеть через силу.

Боятся, что если он сляжет, Сяо Юй сорвет гнев на нем? Ван Хай, главный евнух, всегда был расчетлив. К тому же, Сяо Юй хотел, чтобы он жил подольше, чтобы было над чем издеваться.

Гу Цзюэ с бесстрастным лицом опустился на колени.

По правилам он должен был держать чашку над головой, не меняя позы, целый час. Он так и сделал. Солнце палило нещадно. В этом месте слуги почти не ходили, а те, кто проходил мимо, не смели задерживаться, боясь немилости императора. Он слышал лишь пение птиц и старался держать руки неподвижно.

Как и сказал Ван Хай, каждые четверть часа к нему кто-то заглядывал. К тому времени руки Гу Цзюэ уже начали дрожать от напряжения, но он терпел. Слуга, разумеется, не видел его лица, а видя, что тот стоит прямо, ничего не говорил.

Он вытерпел одну четверть, вторую... Вскоре руки онемели, перед глазами поплыли черные круги, в глазах замелькали золотые искры. В полубреду он вспомнил, как в детстве упражнялся с луком. Если бы это было раньше, час с чашкой в руках был бы для него сущим пустяком, но сейчас его тело было слишком истощено.

К тому же, перед пиром Сяо Юй уже измучил его в покоях, а теперь он вынужден был часами стоять в одной позе. Спина горела, ноги ныли, а солнце слепило глаза.

Наконец, время почти истекло, но он продержался слишком долго. Зрение затуманилось от холодного пота. Он лишь дернул головой, пытаясь прийти в себя, как вдруг мир качнулся, и он рухнул в сторону.

Раздался звон разбитого фарфора. Он приготовился к боли, но та не последовала.

Кто-то подхватил его за воротник, и по инерции он оказался в чьих-то объятиях.

Несмотря на маску, Гу Цзюэ уловил знакомый аромат сандала.

На мгновение его разум помутился от боли в руках и невыносимой слабости. Он не сразу понял, где находится, пока не услышал:

— С каждым разом ты всё жальче.

— Сяо Чунь!

Как он здесь оказался?

Гу Цзюэ знал, что сейчас не время об этом думать. От прикосновения к нему по спине пробежал холодок. Он попытался оттолкнуть его, но руки, измотанные часовым стоянием, не слушались, и движение вышло таким, будто он не отталкивался, а, наоборот, прижимался к нему.

Сяо Чунь явно заметил, что у него нет сил, и усмехнулся:

— По сравнению с прошлым разом ты куда активнее. — Он помолчал. — Кузен, неужели ты готов позволить сделать тебя евнухом? Неужели в постели ты стал совсем скучным?

Сердце Гу Цзюэ сжалось. Слова Сяо Чуня звучали как насмешка, но для Гу Цзюэ они прозвучали как удар грома.

Неужели он настолько ничтожен, что любой может так над ним издеваться?

Гу Цзюэ стиснул зубы, его голос звучал ледяным холодом:

— Отпусти!

<http://bllate.org/book/21167/2144647>